

Марина
СЕРОВА

**Заложники
греха**

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина Сергеевна Серова
Заложники греха
Серия «Русский бестселлер»
Серия «Телохранитель
Евгения Охотникова»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11950796
Заложники греха: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-83909-4

Аннотация

Частному телохранителю Евгении Охотниковой в работе часто помогала ее внешность: ну кто предположит, что хрупкая красивая девушка может с легкостью противостоять сразу нескольким здоровым мужикам? Вот и молодой бизнесмен Владимир Воропаев, который регулярно стал подвергаться бандитским нападениям, скептически отнесся к появлению Евгении, нанятой отцом для его охраны. Невеста Владимира Марианна была танцовщицей в ночном клубе. Именно там Евгении впервые и пришлось проявить себя во всей красе, защищая клиента от слишком активных поклонников девушки. А на следующий день неприятности посыпались на Владимира как из рога изобилия: сорвалась крупная сделка, сгорел склад,

забитый товарами, и бесследно исчезла Марианна... Теперь он уже и сам был рад, что рядом есть такой надежный человек, как Охотникова!..

Марина Серова

Заложники греха

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 1

Говорят, никогда так остро не чувствуешь себя безработным, как вечером в пятницу. Ну, это анекдот такой, понятно. Типа все нормальные люди, честно отпахав пять дней с девяти до шести, в пятницу вечером ощущают особо глубокое удовлетворение. А вот те, кто не трудился всю неделю, не томился в душных офисных или еще каких стенах по девять часов в день, в пятницу вечером должны особенно осознавать собственную ущербность и исходить слюной от зависти к счастливицам, которые в это самое время с чистой совестью начинают отрываться, компенсируя эти вырванные из жизни пять дней.

Не знаю, мне не с чем сравнить: так уж сложилось, что мне никогда не доводилось работать строго с девяти до шести. Моя жизнь вообще не подчинена рабочему графику, поскольку профессия у меня, мягко говоря, специфическая. Возможно, кому-то и доводилось встречать в жизни женщину-телохранителя, но что касается нашего Тарасова – вполне, кстати, крупного и приличного города, почти миллион-

ника, даром что провинция, – так вот, могу с твердой уверенностью утверждать, что в нем женщин-бодигардов точно нет. Кроме меня.

Я выбрала этот путь давно, когда меня, в сущности, никто и не спрашивал. Просто мой папа-генерал, так хотевший сына и легко справлявшийся с подчиненными разных званий, не слишком преуспел в воспитательной функции родителя единственной дочери. А воспитывать приходилось, потому что мама моя, увы, отошла в мир иной сразу после моего рождения...

Папа честно пытался некоторое время над моим воспитанием, но выходило плохо. К тому же у него началась активная личная жизнь, а подросшая дочь портила ему всю малину. Особенно остро вопрос со мной встал, когда папа собрался жениться вторично. Надо ли говорить, что с его невестой я общего языка не нашла, поскольку было настолько очевидно, что я ей по барабану, что не замечать этого мог только ослепленный любовью папа. А так как я еще и разочаровала его, явившись в мир не того полу, что он ожидал, то мне от этой любви доставались ну совсем уж крохи.

И папаня, недолго ломая свою генеральскую – на тот момент майорскую – голову, нашел, как ему казалось, наилучший выход: определил меня в закрытую спецшколу, где готовят профессионалов-боевиков самого высокого класса и где я провела несколько лет – вполне себе, кстати, счастливых без радостей семейной жизни. «Ворошиловка», как называ-

лось наше заведение, оказалась отличной школой – во всех смыслах этого слова. И в итоге я даже благодарна отцу, потому что именно в этой сфере – разведывательно-боевой подготовки – обрела себя.

По выходе из спецшколы мне довелось поработать в разных местах. Я опять же имею в виду не совсем то, что сразу приходит в голову. Просто мы, выпускники, на обучение которых несколько лет тратились казенные деньги, и весьма немалые, должны были как-то эти деньги отработать и принести пользу государству, выделившему их. Вот нас и посылали по горячим точкам в самые разные уголки планеты. Где только не довелось побывать! Увы, не с туристической целью и не за покупками. Но опыт классный. Он мне до сих пор пригождается, когда я уже давно отдала свой долг Родине и стала работать на себя.

Поначалу пришлось, конечно, помыкаться: подустав от военных действий, решила посвятить себя полностью мирной жизни и занялась переводами, но не пошло. Клиентов было мало, заработок получался копеечным. Поработала и с «живым» переводом у одного чиновника, но тот вскоре пошел на повышение и обнаружил, что на его новой должности и без знания языков кормят вполне неплохо. Я занималась даже частными уроками, но все больше и больше убеждалась, что это не мое. К тому же вскоре мне стало скучно, перспектив во Владивостоке, откуда я родом, не было никаких, а тут как раз судьба заочно свела меня с тетей Милой –

моей родной тетей, жившей в далеком от Приморского края Тарасове.

Эта, можно сказать, случайная телефонная беседа определила мою дальнейшую судьбу. Тетя Мила была человеком одиноким и очень сердобольным. Меня она жалела как «сироту» и пригласила в гости повидаться. Дел никаких не было, и я, махнув рукой на все, отправилась в город на Волге, в котором раньше никогда не была. Вот ведь: в Австралии была – а в Тарасове нет. Летела просто так, ненадолго, пообщаться с тетушкой, искупаться в Волге, побездельничать немного и подаваться дальше. Куда – толком сама не знала. Думала, в Москву.

Но все вышло не так, как я планировала. Тетя Мила оказалась добрейшей души человеком, выделила мне в своей небольшой, но уютной квартирке отдельную комнату и ежедневно кормила вкуснейшими завтраками-обедами-ужинами. Тетя Мила – непревзойденная кулинарка, а если учесть, что до моего появления ей готовить было не для кого, то тут уж она отводила душу.

Короче, наступила не жизнь, а полная лафа, и сперва под уговоры тети я задержалась у нее на недельку, потом еще на недельку, а потом решила, что пора и честь знать, и... устроилась на работу. Потому как великовозрастной племяннице ростом метр восемьдесят и обладающей отменным здоровьем сидеть на шее у тетушки-пенсионерки – большое свинство, даже если сама она считает, что племянница ее

облагодетельствовала своим присутствием.

Пошла я работать телохранителем, случайно прочитав в газете, что таковой человек требуется для охраны одного местного бизнесмена. Это был разовый опыт, но очень полезный: во-первых, я неплохо заработала за неделю, во-вторых, получила от благодарного бизнесмена отличные рекомендации, ну и в-третьих, навыки в доселе не опробованной мной профессии. В итоге я обрела новое место жительства, новую родную душу и новую специальность. И вся моя жизнь пошла тогда по-новому, и идет вот уже несколько лет.

Не знаю, как бы я себя чувствовала, если бы все сложилось иначе и в итоге я стала, скажем, юристом, экономистом, стоматологом или швеей – мне опять же не с чем сравнить. Но могу совершенно искренне сказать: мне нравится моя работа. По многим причинам. Она хорошо оплачивается, дарит адреналин и свободу. Я – наемник. И сама выбираю, на кого и как мне работать. Я могу отсутствовать дома неделю, охраняя нового клиента, и в эти дни у меня ненормированный рабочий день – он может быть круглосуточным. Но потом я с чистой совестью могу хоть валяться дома две недели, хоть отправиться в круиз на месяц. Такая вот работа. Для меня – нормальная. И я ни за что не променяю ее на офисную скуку. Даже ради пятничного вечера.

Был как раз вечер пятницы. Я шагала по нашему пешеходному проспекту, постукивая каблуками по звонкой весенней мостовой, и нисколько не ощущала себя ущербной.

Навстречу и параллельно со мной спешил народ – уставший и счастливый, что закончилась еще одна рабочая неделя. Девушки и юноши, мужчины и женщины оживленно переговаривались по мобильным телефонам, назначали свидания, открывали двери машин и ресторанов, спешили навстречу, завидев друг друга, целовались под деревьями и фонтанами... Хороший такой апрельский вечер перед выходными.

А я шла домой, и мне в понедельник не нужно было выходить на работу к девяти часам. И сегодня я возвращалась не из офиса, а всего лишь с прогулки по набережной, которую особенно люблю в такое время года: Волга уже очистилась ото льда, а асфальт набережной – от зимнего мусора, и воздух чист и свеж, и настроение приподнятое.

На изогнутой площадке, которую давно облюбовали поклонники скейтборда, всюю шло катание: спортивного вида подростки и молодые люди лихо взмывали на своих досках на один край площадки, делали кульбиты и перевороты и возвращались на другой. И этот маятник качался лихо, с энергичной амплитудой, и даже у меня, человека не слишком поэтичного, вызывал ассоциации с ритмичным движением жизни, с ее цикличностью и сменой времен.

Рядом мальчишки и девчонки гоняли на роликах и велосипедах, прогуливались пары – как совсем юные, так и весьма почтенные. С облегчением скинув тяжелые зимние наряды, молодежь облачилась в открытые, легкие, часто даже откровенные, а порой даже слишком. Но сейчас это не раздра-

жало и даже не смешило, поскольку в этот день и час выглядело уместно и жизнеутверждающе.

С дебаркадера, оборудованного под кафе на воде, доносила музыка. И, что особенно радовало, не ненавистный мной шансон, как часто бывало, а хороший зарубежный рок, ставший уже мировой классикой. Многие столики были заняты, на танцевальной площадке начиналась дискотека.

Словом, жизнь резко активизировалась с приходом весны.

Недолгая прогулка меня не только не утомила, но даже тонизировала, и обратно я решила не спешить, а пройтись через проспект до Крытого рынка, где находится транспортный узел, и уже оттуда на маршрутке добраться домой – брать свою машину я, отправляясь просто погулять, разумеется, не стала.

По дороге я зашла в свою любимую кулинарию, где продаются замечательные эклеры со взбитыми сливками. Сама я, следя за фигурой, нечасто себе их позволяю, но время от времени балую. Да и тетя Мила их обожает и признает единственными в городе эклерами, которые готовятся по стандарту и без растительных жиров. Положив упакованные в пластиковую коробочку нежнейшие пирожные в пакет, я пошла на остановку – как раз стояла моя маршрутка.

Сев на свободное место у окна и передав деньги за проезд, я воткнула в уши наушники от плеера и, полуприкрыв глаза, наслаждалась весенним вечером, хорошей погодой и бездельем, которое намеревалась продолжить дома за про-

смотром какого-нибудь новенького фильма. А может быть, и не слишком новенького: хорошее кино порой приятнее пересматривать, чем смотреть бездарные новинки.

Тетя Мила хлопотала на кухне. Меня она встретила в прихожей с полотенцем наперевес и с озабоченным выражением лица. Судя по тому, как рассеянно она меня встретила и сразу поспешила обратно, приняв у меня коробочку с эклерами, а также по доносившемуся из духовки запаху, я поняла, что готовится нечто сложносочиненное, и, не став отвлекать тетю, отправилась в свою комнату.

Включив компьютер, я зашла на свой любимый сайт, с которого можно смотреть фильмы без рекламы, порылась в базе и после недолгих колебаний между боевиком и остросюжетной драмой выбрала все-таки драму, после чего улеглась на диван, приготовившись к просмотру.

Периодически я приподнималась на подушке и принюхивалась. Аромат с кухни проник даже в мою комнату сквозь запертую дверь, и аромат этот был умопомрачительным. К тому же, прошагав в общей сложности пешком не меньше десяти километров, аппетит я нагуляла отменный и теперь ждала логического завершения в виде вкусного ужина. Я уже минут сорок глотала слюну, но тетя Мила не спешила меня звать. Под ложечкой уже начало откровенно ломить, и даже сюжетные коллизии были мне не в радость.

Наконец, не выдержав, я выползла на кухню. Тетя, с покрасневшимся лицом и косынкой на голове, выпрямилась

от духовки и стала посреди кухни, держа в руке какую-то соломинку.

– Ну слава богу! – с удовлетворением произнесла она. – Кулички удались! Ты знаешь, Женя, так долго не подходили, я уж боялась, что дрожжи старые. Но они в духовке так поднялись! Прямо шапкой! Глянь-ка, Женечка! Теперь уже можно открывать, я проверила – готовы.

– Кулички? – упавшим голосом переспросила я.

Тетя открыла духовку и продемонстрировала мне румяные куличики, сидящие в фигурных формах.

– Видишь, какие красавцы? – с гордостью спросила тетя, ожидая моей восторженной реакции.

Что и говорить, куличи у тети Милы всегда получались на славу. Но я как-то подзабыла, что послезавтра уже наступает ранняя в этом году Пасха, к которой тетя заранее готовила всего-всего невпророт, что мы потом с ней доедали неделю. Но Пасха только послезавтра. Куличи тетя, как обычно, приготовила за два дня, завтра она будет готовить мясные блюда, салаты и прочие разносолы, а вот сегодня... Сегодня придется затянуть поясок.

Тетя Мила в последние годы строго соблюдала православный пост, блюсти который я не могла себе позволить. Во-первых, я часто в эти дни работала и жила в домах своих клиентов, а они не все чтят православные да и вообще религиозные традиции, так что капризничать не приходилось: что подадут – то и ешь. Во-вторых, я без мяса элементарно не нае-

далась. И даже постные блюда тети Милы, которые все равно были очень вкусными, не могли компенсировать мне сочную отбивную или свиные ребрышки. Поэтому я, искренне хваля тетину стряпню, тайком оппортунистски бегала в кафе неподалеку, где учитывали любые предпочтения клиентов, и после гречневой каши с грибами заказывала себе мясо, рыбу, птицу – словом, грешила напропалую. Хотя Бог, по моему личному мнению, должен быть в душе, а не в желудке.

Но сегодня я как-то подзабыла о сложившихся в последние годы в нашей семье кулинарных традициях. И если тетя занялась таким трудоемким процессом, как приготовление куличей, значит, ужинать доведется, скорее всего, пшенной кашей с тыквой. Потому что все эти вкусности можно будет попробовать не ранее наступления пасхального дня, до которого еще... О боже!

Мне сразу стало тоскливо...

– Ты что, Женечка, плохо себя чувствуешь? – встревожилась тетя, видя мою физиономию, такую же постную, как и блюда, которыми мы кормились последние недели.

– Да! – обрадовалась я выпавшей возможности. – Что-то меня подташнивает. Пойду пройдусь немного...

В душе я надеялась под предлогом прогулки по-быстрому заглянуть в кафе и навернуть там чего-нибудь сытного, а потом побаловаться тетиной кашкой. Но тетю Милу так просто было не провести.

– Это от голода! – авторитетно заявила тетя и посмотре-

ла на часы. – Батюшки! – всплеснула она руками. – Восемь часов! Я ж тебя голодом морю полдня! Прости, дорогая, я тут закурилась с этими куличами и совсем забыла тебя покормить! Ах ты, боже мой! Неудивительно, что тебя аж за-тошнило!

Говоря это, тетя уже выуживала из холодильника кастрюльки, мисочки, салатники, что-то ставила на плиту, что-то в микроволновку, и вот уже совсем скоро на столе появились фруктово-овощные салаты, капустные котлеты, тушеные грибы, соленые огурчики-помидорчики, а также вареники с картошкой. Махнув рукой, я уселась за стол и в считанные минуты смела все, что было на тарелке, и даже попросила у тети добавочную порцию вареников, оказавшихся и вкусными, и сытными – как раз то, что мне и требовалось.

Пока мы с тетей трапезничали, она, конечно же, включила телевизор и постоянно перемещала свой взгляд между тарелкой и экраном. Там шло одно из ток-шоу, очень популярных в народе. Как водится, с привлечением независимых экспертов из числа известных и не очень артистов, политиков, социологов, психологов и зрителей из зала. Мне подобные постановки всегда были по барабану. Тетя же проявляла неподдельный интерес: она всплескивала руками, ахала, охала, качала головой и прицокивала языком.

В студии шло бурное обсуждение ситуации: две сестры выясняли отношения. Одна утверждала, будто родители всегда больше любили младшую, ущемляя ее права как стар-

шей. Младшая любимица решительно возражала, приводя свои аргументы, что старшей, в отличие от нее, досталась родительская квартира, причем незаконно. Старшая грудью отстаивала свои права на родительское наследство. Обе припоминали случаи из далекого детства, пытаясь больше уколоть друг друга. Все это сопровождалось криками и бранью. Мне стало тошно. Тетя же была, что называется, «в теме».

– Нет, ты только полюбуйся, Женя! – восклицала она. – Какая бессовестная эта старшая! Мало того, что копит детские обиды, так еще и отобрала квартиру у сестренки!

Я подавила вздох. Дискуссии на подобные темы мы с тетей проводили не раз, и я постоянно убеждалась в их бесполезности и неконструктивности. Мои утверждения о том, что все эти ток-шоу срежиссированы и роли всех этих сестер, свекровей, тещей и прочих родственников исполняют спонтанно нанятые за тарелку супа «артисты», на тетю не действовали. У нее не укладывалось в голове, что такое возможно. Да что там говорить! Тетя, наивный и доверчивый до глупости человек, была уверена, что Максим Галкин не только знает ответы на вопросы в своей интеллектуальной передаче, но даже лично их придумывает еженедельно! Что же еще от нее хотеть?

Я встала к раковине и стала мыть посуду, желая хоть как-то отблагодарить тетю за вкусный ужин. Шум воды немного заглушал гвалт, царивший в студии.

Но персонажи на экране тем временем перешли к руко-

прикладству. В дело вступил стремительно нарисовавшийся жених старшенькой завидной наследницы. Сначала он сыпал оскорблениями в адрес младшей, затем схватил ее за волосы. Поднялся визг и крик. Многие повскакивали со своих мест, бросаясь на выручку, ведущий пытался их удержать. Старшая кинулась на подмогу женишку, и пошло...

Для меня все это выглядело настолько пошло и ненатурально, что дальше смотреть я просто не могла. Драка была явно инсценированной: все удары ненатуральные, фальшивые, абсолютно непрофессиональные. У того, кто хоть мало-мальски разбирается в этом, не возникло бы никаких сомнений в том, что это бездарный спектакль. Если так бить, то просто-напросто вывихнешь руку, а соперник не получит ни малейшего вреда. Но тетя чуть ли не кинулась к экрану, чтобы грудью защитить одну из сестер от обидчиков. Но тут, на счастье, всех угомонили и растащили по местам. В студии стало гораздо спокойнее, у нас на кухне тоже.

Пользуясь ситуацией, я оставила тетю пить валерьянку и переживать дальнейшие перипетии «высоких» отношений в одиночестве, а сама, вытерев посуду, ускользнула к себе в комнату, где с облегчением улеглась на диван, радуясь возможности спокойно уединиться и продолжать предаваться безделью, которому я собиралась посвятить последующие два дня. Причем с абсолютно чистой совестью: не далее как неделю назад я завершила работу на одного крупного тарасовского бизнесмена-аналитика, которого в тече-

ние полутора месяцев сопровождала в поездках по разным точкам земного шара, где он участвовал в различных конференциях. Не знаю, с чего он решил, что ему угрожает какая-то опасность, на мой взгляд, телохранителя он с собой возил чисто для понтов и набивания собственной цены, ну да это его проблемы. Главное, что мой вояж был щедро оплачен – настолько, что мы с тетей могли минимум полгода вести безбедное существование. Так что нужды в дополнительном заработке не было. Разве что из спортивного интереса... Но вообще-то я предпочитала спокойно отдыхать. К тому же была середина весны, за которой по закону мироздания следовало лето – чего еще можно желать?

Я включила поставленный на паузу фильм, смотреть который на сытый желудок было куда приятнее, и порадовалась своему беззаботному состоянию.

Однако не успела я как следует включиться в сюжет, как зазвонил мой сотовый телефон. На экране светился незнакомый номер. Первой моей мыслью было не отвечать, но, помня о том, что по просьбе тети я пару дней назад разместила на сайте объявление о продаже ее старенькой швейной машины «Зингер» конца прошлого века и о постоянных вопросах тети, не звонил ли потенциальный покупатель, решила ответить.

– Охотникова Евгения Максимовна? – послышался незнакомый баритон, и я поняла, что на этот раз тетиной машинке не светит быть проданной: на сайте я указала только свое

имя, без отчества и, уж конечно, без фамилии. Следовательно, это мой клиент, а не ее.

– Да, слушаю, – отозвалась я без особого интереса.

– Моя фамилия Воропаев. У меня к вам дело. Когда вы сможете подъехать? Было бы желательно через час.

Я подавила зевок.

– А почему, собственно, вы решили, что я вообще к вам поеду?

Даже в повисшей паузе я уловила недоумение и удивление.

– Моя фамилия Воропаев, – с нажимом проговорил звонивший.

– Да у меня все хорошо и с памятью, и со слухом, – заверила я его. – А также с восприятием. Но все же почему я должна к вам ехать? Только на основании вашей фамилии?

– Я вижу, она вам ни о чем не говорит, – с сожалением и даже укором произнес голос в трубке.

– Увы, – подтвердила я. – Так что если это все, что вы хотели мне сообщить, то...

– Министерство финансов, бюджетный отдел, – перебил меня Воропаев. – Я им руковожу.

– А-а-а, – протянула я. – Что ж, неплохое местечко.

Чиновник резко умолк. Потом прокашлялся, прочищая горло. Он явно не был готов к моей реакции. Честно говоря, я и сама не была к ней готова. Да и вообще, не собиралась никому дерзить. Просто меня задело то, что этот Воропаев,

привыкший, видимо, к тому, что подчиненные исполняют его приказания мгновенно, никак не ожидал от меня отпора.

– Вы должны понять, что я человек занятой, – продолжил он. – И мое время расписано буквально по минутам. Я специально выделил окно, чтобы встретиться с вами.

– Послушайте, – перебила на сей раз я. – Я вижу, что вам тоже мало что говорит моя фамилия. Не знаю, где и от кого вы вообще ее слышали, но если бы потрудились узнать обо мне получше, то поняли бы, что я тоже человек занятой. И мое время также стоит дорого. И прежде чем назначать мне встречу, неплохо было бы выяснить, есть ли оно у меня, это самое время, а главное, желание с вами встречаться.

Воропаев был вынужден взять еще одну паузу.

– Евгения Максимовна! – заговорил он на тон ниже. – Я вас понял и приношу свои извинения. Но поймите, обратиться к вам меня заставило не простое любопытство, а важное дело. К тому же срочное. Возможно, это вопрос жизни и смерти. И я, как вы понимаете, весьма этим обеспокоен. Только поэтому я позволил себе... несколько больше, чем полагалось. Еще раз извините. Я не стану интересоваться вашими планами, я лишь прошу вас – если их можно скорректировать, сделайте это, пожалуйста. Я буду вам очень, очень признателен, – подчеркнул он.

Я нахмурилась. Планы, конечно, можно было скорректировать довольно легко – планы-то мои, а хозяин, как известно, барин. Вопрос лишь в том, что барину совершенно не хо-

телось их корректировать... Барину хотелось лежать на диване и смотреть кино.

Однако здравый смысл все же победил. Воропаев как-никак чиновник, по нашим тарасовским меркам, довольно высокого уровня – почему бы мне не обзавестись дополнительным полезным знакомством? Все-таки это не обычный бизнесмен, которых пруд пруди. Такими знакомствами лучше не разбрасываться. Мало ли! Сегодня я ему пригожусь, завтра, глядишь, он мне. И деньги, кстати, сколько бы их ни было, лишними никогда не бывают. Особенно во времена экономической нестабильности. Так что пусть лучше будут с избытком, чем с недостатком.

– Ну что ж, – вздохнула я в трубку. – В принципе, я могу скорректировать свои планы, хотя это доставит мне дополнительные неудобства.

– Я все компенсирую! – заверил меня Воропаев.

– Ладно, хорошо. Где вы хотите встретиться?

– А приезжайте сразу ко мне! – заявил Воропаев.

– Давайте для начала все же обсудим детали, – возразила я. – Может быть, мы и не договоримся? Я же ничего не знаю о вашем деле! Подробностей вы не сообщаете, и даже общих черт...

– Вот у меня и обсудим! – Воропаев был настроен решительно. – Я убежден, что мы договоримся. Дело вам по плечу.

Я чуть задумалась и уточнила:

– К вам – это куда?

– Октябрьское ущелье. Там одна дорога. На подъезде к поселку вас встретят и проводят.

– Ну хорошо, – согласилась я. – Но предупреждаю: если ваше дело окажется для меня... неприемлемым, я тут же уезжаю с компенсацией трат моего времени.

– Разумеется, – сказал Воропаев. – Разумеется.

Я отключила связь, слегка ощущая себя мелочной меркантильной стервой, ведь мое драгоценное время было посвящено отнюдь не важным делам и в особой компенсации не нуждалось. Но лишь слегка, поскольку, как ни крути, а ценно-то не только рабочее время, но и свободное. И, возможно, оно как раз и более ценно. Так что я не долго терзалась угрызениями совести, а быстро переоделась в удобную одежду, побросала в сумку все необходимые вещи для работы на случай, если мы с Воропаевым заключим трудовое соглашение, и направилась к выходу.

Тетя Мила, услышав мои шаги в прихожей, тут же появилась там. Как я поняла, ток-шоу уже закончилось, и тетушка спешила поделиться со мной эмоциями.

– Нет, ты представляешь, Женя, что там открылось? – с выражением вселенского ужаса обратилась она ко мне.

– Неужели третий глаз у всей аудитории? – надевая кроссовки, спросила я.

– Вот ты, как всегда, иронизируешь! – упрекнула меня тетя. – А там такое! Оказывается, эта девушка, сестра, не родная дочь, а приемная! Представляешь? То есть она, даже

не подозревая об этом, всегда интуитивно это чувствовала!

Я не стала уточнять, какая именно из сестер оказалась приемной, вместо этого сказав:

– Тетя, я отъеду ненадолго по делам.

Тетя Мила, погруженная в свои впечатления, только сейчас обратила внимание на мои сборы.

– Ой, Женечка, а куда же ты на ночь глядя?

– Встреча с клиентом, – неопределенно ответила я.

– Это по поводу швейной машинки? – сделав неожиданный вывод, обрадовалась тетя. – Ой, как хорошо! Ты им скажи, что машинка в идеальном состоянии! И если станут снижать цену, больше пятисот рублей не уступай, хорошо?

Я про себя вздохнула. Если честно, я бы отдала эту машинку даром и даже еще приплатила бы тому, кто согласился бы ее забрать. Этот монстр занимал чуть ли не треть тетиной комнаты, к тому же регулярно по субботам его приходилось двигать, чтобы основательно помыть пол (тетина прихоть, по мне так стояла бы она себе и стояла, а помыть можно и вокруг), так вот, двигать это неподъемное страшилище тете было не под силу, так что несложно догадаться, кого она звала в помощники. Каждую неделю я, кряхтя и матерясь сквозь зубы, двигала сооружение, которое царапало пол и оставляло вмятины на линолеуме, потому что как ни старайся поставить его аккуратно на то же место, ничего не получалось, и вмятины все время возникали в новых местах. Так что идея с продажей машинки мне очень нравилась, вот

только я сильно сомневалась, что найдется желающий приобрести этот гроб на колесиках за три с половиной тысячи рублей, как запросила за него тетя.

– Это не совсем насчет машинки, тетя, – постаралась я сделать так, чтобы горечь разочарования не была для тети Милы слишком сильной. – Все, я побежала!

Тетя поцеловала меня на прощание, у дверей давая последние наставления и скрепя сердце разрешая скинуть еще две сотни. Кивая ей, я наконец-то выскочила на лестничную площадку и направилась вниз, к своей машине. Сев за руль, я поехала в сторону улицы Шелковичной, откуда лежал путь в Октябрьское ущелье.

Глава 2

Этот район был одним из удаленных: улица Шелковичная неуклонно вела вверх, и самые неудачливые из жильцов микрорайона обитали на верхотуре, откуда виден был весь город, а с правой стороны тянулся обрыв, огороженный бетонной стеной от греха подальше. Жили здесь простые смертные в панельных пяти- и девятиэтажках, построенных лет сорок назад.

Левая же сторона еще недавно являла собой дикие незаселенные дебри. Но где-то с середины девяностых годов начала обустраиваться: там появилась дорога, стали возводиться двух- и трехэтажные коттеджи с высокими заборами, за ко-

торыми обитали сильные города сего. В основном это были бизнесмены, газовики, чиновники и прочие счастливики. Постепенно район превратился в закрытый поселок. Вот в этом поселке и проживал руководитель бюджетного отдела Константин Юрьевич Воропаев.

Дорога эта была мне хорошо знакома, и я вела машину на автомате. Времени было около восьми вечера, но в это время года было достаточно светло, только-только начинало смеркаться.

У поворота, ведущего собственно к коттеджам, стоял серебристый джип. Дверь его была приоткрыта, и водитель совмещал сразу приятное с полезным: наслаждался свежим весенним ветерком и высматривал меня. В том, что этот джип приехал по мою душу, я не сомневалась.

Притормозив, я посигналила, затем открыла окно и спросила:

– Меня ждете?

Скучавший за рулем водитель лет тридцати с небольшим бросил на меня довольно равнодушный взгляд, после чего ответил:

– Вас, если вы – Евгения Охотникова.

– Я – Евгения Охотникова, – подтвердила я. – Документы показать?

– Не надо, у меня есть ваше фото, – ответил он, чем, признаться, меня удивил.

Господин Воропаев явно подготовился ко встрече

со мной. И если даже заполучил фотографию, следовательно, я была к нему несправедлива относительно того, что он не потрудился узнать обо мне получше.

– Поехали, – кивнул водитель и плавно тронулся с места.

Ехали мы совсем недолго – поселок был небольшим, и дорогу, проходившую по нему, можно было миновать за пятьдесят минут. Дом Воропаева находился в самой глубине. Для того чтобы добраться до него, пришлось проехать вверх. Дом, несмотря на свои немаленькие размеры, терялся здесь. Этому способствовало как местоположение – сперва вверх, потом в низинку, так и окружавшие его заросли деревьев. Правда, сейчас они еще не были покрыты листвой, но ближе к лету, видимо, дом и вовсе утопал в них.

Ворота открылись, и мы оказались во дворе, где места было достаточно для целой автопарковки. Водитель заглушил мотор джипа, я последовала его примеру, после чего вышла из машины.

Между деревьев, которыми был усажен двор, пролегали аккуратные дорожки. Одна из них вела к крыльцу краснокирпичного дома. Возле него стояла женщина в униформе. Я заметила, что водитель кивнул ей, и женщина тут же прикрепила на лицо дежурную улыбку и произнесла:

– Добрый вечер. Константин Юрьевич вас ждет. Я вас провожу.

С этими словами она сделала приглашающий жест, повернулась и, поднявшись по ступенькам, провела меня в боль-

шую прихожую. Женщина уже повернулась, чтобы показать, где мне можно переобуться, и я уже заметила приготовленные явно для меня «гостевые» тапочки, однако в прихожей появился мужчина чуть старше среднего возраста, в сером костюме, с небольшой лысинкой, тщательно замаскированной аккуратной стрижкой. Внешности он был совсем невыразительной, этакой типично чиновничьей, прилизанной, казенной. Впечатление довершали классические ничем не примечательные очки на ничем не примечательных глазах. Я поняла, что это, скорее всего, и есть сам хозяин дома.

Моя догадка подтвердилась сразу же: мужчина шагнул вперед, оглядел меня, как мне показалось, оценивающе и одобрительно, и сказал:

– Константин Юрьевич. Добро пожаловать.

То есть представился и поздоровался одновременно. Фразы Константин Юрьевич при личном общении строил коротко, сухо, с использованием канцеляризмов, и я поняла, что это профессиональная привычка перекинулась на другие сферы его жизни. Но при этом он был вежлив и предупредителен, так что меня совершенно не напрягала такая его особенность.

Он пригласил меня пройти на второй этаж, где проводил в комнату, которая была, по всей видимости, его кабинетом – во всяком случае, обставлена была именно так: компьютерный стол, кожаный диван, офисный шкаф, заполненный не книгами, а папками с документами. Аскетичная та-

кая обстановочка.

Воропаев сел в крутящееся кресло – видимо, за столом он чувствовал себя привычнее, – мне же предложил устроиться на диване. Я терпеть не могу кожаную обивку из-за ее скользкого свойства, но капризничать было неуместно.

– Итак, мне нужна ваша помощь. Спасибо, что приехали, – начал Константин Юрьевич.

– Охрана? – уточнила я. – Вам?

– Охрана. Но не мне, а моему сыну.

Я чуть нахмурилась и уточнила:

– Сын взрослый?

– Да, вполне. Окончил экономический университет.

– Так, ясно.

Уже хорошо, что не ребенок. Признаться, я не слишком люблю заниматься охраной маленьких детей – специфика особая, ответственности больше. Да и не чувствую я к деткам умильной любви. Особенно выросшим в более чем обеспеченных семьях – капризные, избалованные, непослушные... Не все, конечно, но чаще всего.

– Константин Юрьевич, а теперь я буду задавать вам вопросы, а вы отвечайте. Четко и правдиво.

– Хорошо, – чуть удивленно согласился Воропаев.

– Это я к тому, что с телохранителем нужно быть откровенным, примерно как с врачом. Не скрывать никаких фактов, к которым у меня может возникнуть интерес. Это не любопытство – от этого зависит успех моей работы. Надеюсь,

вы меня понимаете.

– Да, вполне, – кивнул Воропаев.

– Отлично. Итак, самый главный вопрос: охрана нужна из каких соображений? Для поездки, переговоров, участия в некоем опасном мероприятии или, простите, чисто для понтов?

Воропаев нахмурился, а затем усмехнулся.

– Для понтов... – пробормотал он, качая головой. – Нет, что вы! Это глупое ребячество. К чему? Володя не нуждается в понтах.

– Понятно, я так и думала. Могу предположить, что основания для найма меня есть? То есть вы по какой-то причине опасаетесь, что ему что-то угрожает?

– Вам не откажешь в склонности к анализу, – похвалил меня Воропаев.

– Спасибо, но вы преувеличиваете. Анализ – все-таки не моя сильная сторона. Просто не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться об этом, особенно если учесть вашу фразу о том, что речь идет о жизни и смерти. Что-то серьезное?

Воропаев посмотрел на меня доверительно.

– Иначе я не обратился бы к вам, – вздохнул он. – Возможно, я несколько сгущаю краски. Володя, кстати, именно так и считает. Но все же эти обстоятельства нельзя упускать из вида. Дело в том, что, как мне кажется, на него готовится покушение.

– Ого! Давайте-ка поподробнее.

Воропаев поводил плечами, похмурился и начал рассказ:

– Во-первых, ему разбили стекла в автомобиле. Ерунда, конечно, на первый взгляд. Хулиганство. Ребячество. Я бы так и решил, если бы не последовало продолжение. Сломали тормоза. Слава богу, что он как раз вызывал мастера и не собирался никуда ехать на машине. Иначе все могло кончиться трагично. Но и это не все. Было совершено нападение. Володя поздно возвращался с работы. Открыл дверцу машины и получил удар по голове. Затем двое неизвестных налетели и принялись его пинать. Хорошо, что это увидела охрана с работы, они выскочили на помощь. Нападавшие скрылись.

– Они что-то требовали? – спросила я. – Что-то конкретное?

– Нет. Просто избивали. Молча. Понимаете, Евгения Максимовна, меня ведь там не было. Так что ситуацию знаю со слов Володи. А он...

– А он не слишком охотно об этом распространялся, – закончила я фразу.

– Да! – с каким-то облегчением проговорил Воропаев и посмотрел на меня благодарно. – Я рад, что вы все понимаете с полуслова. Вы умная женщина. Я не жалею, что обратился именно к вам.

– Кстати, а почему ко мне? Откуда вы про меня знаете?

– Вы – личность довольно известная в нашем городе, – попытался польстить мне Воропаев с улыбкой.

– Ну а все же, Константин Юрьевич? – Меня не устроило подобное объяснение. – В Тарасове гораздо больше мужчин-телохранителей. Вы же выбираете женщину. Для защиты мужчины. Это не совсем характерно. Должны быть причины.

Воропаев смерил меня внимательным взглядом.

– Считайте, что причины есть, – ответил он. – Но лично вас они не затрагивают.

– Константин Юрьевич... – Я пытливо уставилась ему в лицо. – Я же предупреждала вас об откровенности! Мне бы крайне не хотелось, чтобы за моей спиной разворачивались какие-то интриги.

– Упаси бог! – воскликнул Воропаев совсем не по-чиновничьи. – Никаких интриг! Просто... Ладно, буду откровенен до конца. Володя вообще-то против телохранителя. Он считает, что это будет унижать его как мужчину.

– А женщина-телохранитель, значит, возвеличит его мужское достоинство? – усмехнулась я.

Воропаев посмотрел на меня выразительно:

– А женщину-телохранителя совсем не обязательно выдавать за телохранителя. Ее можно представить секретарем, менеджером, переводчиком... Вы же владеете иностранными языками!

– Вы все-таки неплохо обо мне осведомлены, – заметила я.

– Я даже признаюсь, что услышал о вас от одного своего

коллеги. Пару лет назад вы охраняли его семью. Фамилия Ивантеев, помните?

– Смутно, – призналась я. – Видимо, работа была несложной и малоинтересной.

– А вы какую работу считаете интересной? – улыбнулся Воропаев.

– Интересной – неважно. Лучшей работой я считаю результативную, – серьезно ответила я. – То есть когда мой клиент остается цел и невредим. А еще лучше – чтобы ему вообще ничего не угрожало. Чтобы все ограничилось лишь моими предупредительными мерами и до откровенной угрозы жизни не дошло. Не потому что я пуглива или ленива – отнюдь. Просто телохранитель, каким бы профессионалом он ни был, – не гарантия безопасности. Не стопроцентная, понимаете? Мы люди. И противники наши тоже люди. Каждый может ошибиться. Тут уж, как говорится, кто кого. А между этим нашим противостоянием тоже стоят люди – те, которые нуждаются в защите. И вот пока мы соревнуемся с их противником, они ежесекундно рискуют. Я могу их уберечь – а могу и нет. Такого, к счастью, ни разу не было в моей практике, и мне очень хочется верить, что не будет, но от этого не застрахован никто. Ни один самый крутой профи. Надеюсь, я не слишком вас напугала или разочаровала? – Я посмотрела на Воропаева в упор. – Просто я хочу, чтобы вы имели четкое представление о нашей роли.

– Да нет, не напугали, – ответил Воропаев. – И не разоча-

ровали. По крайней мере, вы говорили откровенно. Не набивали себе цену и не переоценивали собственных возможностей. Это важно. Если бы вы принялись с важностью заявлять о своей неуязвимости или хвастаться, перечисляя собственные заслуги, я бы насторожился. И, возможно, разочаровался бы сразу. А так вы только укрепили мое доверие. У вас есть еще вопросы?

– Конечно, я только начала их задавать! Где работает ваш сын?

– Володя работает на себя. В смысле, у него свой бизнес. Интернет-магазин по продаже техники – телефоны, планшеты, айфоны и прочее.

– Где он находится? Территориально?

– На Рахова, в центре. Неподалеку от детского парка.

– А почему он не служит в каком-нибудь ведомстве? Я имею в виду, обычно папа, занимающий достаточно высокий пост, заранее готовит сыну теплое местечко. Вас не слишком шокирует моя откровенность?

– Нет. Она мне даже нравится. Не люблю лесть – мне хватает ее на службе. Володя сам так захотел. Он говорит, что его тошнит от мысли о кабинетной работе. Хотя место можно было подобрать отличное. Но я не настаивал. Единственное – слежу за его бизнесом. Контролирую, так сказать, незримо. Понимаете, о чем я?

– Не совсем.

– Ну, налоговая, пожарная, санитарная службы, прочие

инстанции, которые всегда не прочь откусить кусок пирога. Я договариваюсь с ними заранее, чтобы они не портили кровь Володе, не тормозили бизнес своими проверками.

– Теперь ясно. То есть вы – тайный покровитель своего сына.

– Можно и так сказать.

– А как с конкурентами? Не теснят? Может быть, это происки с их стороны?

– Никогда ничего подобного не слышал от Володи. Но кое-какие справки навел. Сетевые магазины не станут этим заниматься, а частные магазины... В Тарасове, помимо Володино, их два. Я имею в виду – более-менее значимые. Остальные – мелочь, они ему не конкуренты.

– Но шелупонь как раз и может действовать так, как вы рассказали, – заметила я. – Мелкие пакости на уровне хулиганства. На большее у них кишка тонка. Они же не устраивают взрывов, пожаров, стрельбы...

– Не знаю. Если честно, я вообще не думаю, что это конкуренты. У Володи бизнес не такого рода. Магазин среднего уровня, не настолько крупный, чтобы всерьез теснить кого-то на рынке. То есть все они друг другу не мешают.

– Ясно. Но у вас есть какая-то своя версия?

Воропаев чуть задумался.

– Нет, – ответил он. – Я не знаю.

Я ему не поверила. Но переспрашивать не стала. Разберемся. К тому же мне предстоит пообщаться с самим Влади-

миром, вот у него и постараюсь выяснить. Ведь он наверняка лучше осведомлен о собственных проблемах, чем его отец.

Я собиралась перейти к дальнейшему выяснению деталей, когда дверь в кабинет открылась, и мальчишеский тенор спросил:

– Па-ап, а ужинать скоро будем?

Воропаев поднял глаза, я тоже обернулась. В дверях стоял совсем молодой парнишка, на вид прямо вчерашний выпускник школы. На выпускника вуза, бизнесмена, владельца магазина он явно не тянул. Худой, с несформировавшейся еще до конца фигурой подростка, прыщеватый, но симпатичный. А лет через пять, возможно, будет красавчиком.

Русоволосый, сероглазый, одетый тоже по-тинейджерски в бриджи, футболку и небрежно накинутую поверх нее незастегнутую короткую рубашку. В одном ухе – провод от наушников, тянущийся к смартфону, который парень держал в руках.

– Ты разве не видишь, что я занят? – едва скрывая раздражение, отозвался Воропаев. – Что за манера входить без стука?

– Ну я же не знал, что ты не один. – Парень бросил на меня взгляд, двусмысленно хмыкнул и, приложив худые руки к груди и явно кривляясь, проговорил: – Прошу прощения, что нарушил ваше уединение. Пойду умирать голодной смертью. Чего не сделаешь из сыновнего почтения!

Он захлопнул дверь и исчез. Воропаев смущенно посмот-

рел на меня.

– Прошу у вас прощения. Дурацкий возраст!

– Это и есть ваш сын? – не скрывая удивления, спросила я.

– Да. Младший. Вадик. Не Володя, – пояснил он. –

Ему всего семнадцать.

– Ясно, – чуть улыбнулась я.

– Парень-то он вообще-то неплохой, – принялся убеждать меня Воропаев. – Просто... Лоботряс. Школу бросил – отличный лицей, между прочим, один из лучших в городе! Пошел после девятого класса в колледж. Ладно, черт с тобой, иди! – в сердцах проговорил Константин Юрьевич. – Но только учись! Но он и там филонит. Занятия пропускает, к сессии почти не готовится. Зимнюю еле закрыл. Хвостов была куча, я узнал, только когда мне из деканата позволили. Мы-то с матерью ни сном ни духом! Он же, подлец, каждый день туда типа ходит! Утром уходит, вечером приходит... Это уж куратор группы нам сообщил, что он дай бог раз в неделю появляется, и то не на всех парах. А сам где-то болтается! Друзей завел, таких же лоботрясов! По кафе, по боулингам шляются. Слава богу, хоть в наркотики и криминал не влез! Сессия горит, стоит вопрос об отчислении! Я в первый момент вообще подумал, что не стану вмешиваться. Пусть вышибают!

Воропаев решительно рубанул рукой воздух.

– Но потом все же вмешались, – подсказала я.

Воропаев со вздохом развел руками.

– Вмешался, куда же деваться? Сын все-таки... Я же понимаю, что это у него просто возраст такой. Мозгов-то нет пока, а взрослость через край лезет. Мнимая. Потом будет локти кусать. В общем, допустили его к сессии, кое-как сдал, а во втором семестре вообще обнаглел. В колледж не ходит, открыто говорит – чего я там не видел? Понял, что папа всегда поможет, вытащит из дерьма! Нет уж! Первый и последний раз помог! Если летом такая же история повторится – пальцем не пошевелю!

Воропаев говорил с убедительными интонациями, но убеждал, как мне кажется, скорее себя самого. В душе он знал, что все равно так и будет тянуть своего непутевого отпрыска до окончания колледжа, да что там – и дальше тоже. До окончания своей чиновничьей карьеры. Да и потом станет подкидывать со своей явно немаленькой пенсии... Если, конечно, не произойдет чудо и его сын вдруг не возьмется за голову и не уяснит, что взрослость – это прежде всего самостоятельность и ответственность за свои поступки.

Воропаев тем временем поднял голову и задал риторический вопрос:

– Вот чего ему не хватает, а? Деньги есть, условия есть – все есть! Чего не учиться?

– Может быть, как раз наоборот? Слишком всего хватает? И чего тогда учиться?

Воропаев удивленно замер, словно я совершила для него какое-то открытие. Я посмотрела на часы. Время приближа-

лось к девяти. Воропаев, поймав мой взгляд, спохватился.

– Мы с вами отвлеклись, – покачал он головой. – Простите, время только потеряли. А ведь сейчас должен прийти Володя. У нас по пятницам семейный ужин – традиция такая.

– Владимир живет не с вами? Отдельно? – уточнила я.

– Да, – Воропаев почему-то помрачнел. – Он снимает квартиру.

– Снимает? – признать, я была удивлена. Сын чиновника министерства финансов явно должен был быть обеспечен собственной квартирой. Но сейчас выяснять детали было уже некогда, и я решила отложить это на потом, когда закончится ужин. Сейчас мне нужно было уточнить наиболее важные моменты: – Константин Юрьевич, сейчас коротко, тезисно и максимально четко – в чем мои обязанности? Постоянно сопровождать вашего сына?

– Да, – кивнул тот. – На работу, с работы – да и там тоже находиться в течение его рабочего дня. Если вечером соберется куда-то – вы рядом словно тень.

– Отличная роль для секретаря, – усмехнулась я.

– Ну если Володя отправится куда-то развлечься, то там ему обязательно отчитываться за то, что собой представляет его спутница.

– Кстати, а девушка у вашего сына есть?

Воропаев помрачнел, еще больше.

– Это отдельная тема, – неохотно произнес он. – Мне бы не слишком хотелось об этом говорить.

– Очень интересно! Но вы все-таки просветите меня. А не то я заподозрю вашего сына в нетрадиционной ориентации, – усмехнулась я. – И коли это действительно так, то лучше вам прямо мне об этом сказать.

– Нет, что вы, что вы! – тут же воскликнул Воропаев и чуть ли не перекрестился. – Ничего подобного! У него есть девушка!

– Ну что ж, хотя бы с этим прояснили. Значит, как я понимаю, девушка вам не нравится...

Воропаев смутился.

– Вы весьма проникательны. Впрочем, я это уже говорил.

– Они живут вместе?

– Да, – в сторону ответил чиновник. – Именно поэтому он и снимает квартиру. Дело в том, что мы с женой решительно против их отношений. Но запрещать ему с ней встречаться мы, конечно, не можем.

– Вы демократичны, – заметила я.

– Не в этом дело! Просто Володя уже взрослый человек. И, в отличие от Вадика, вполне самостоятельный. Но мы не сидим сложа руки. Володя знает, что для него давно куплена квартира, которая будет подарена ему на свадьбу. Но! – Воропаев поднял вверх указательный палец. – Только не с Марианной! Она не пара нашему сыну.

– Да-а-а, – протянула я. – С демократичностью я, кажется, и впрямь поспешила. Чем же конкретно вам не угодила Марианна?

– А вот вы увидите ее – сами все поймете, – сухо сказал Воропаев и взглянул на часы. – Они сейчас должны приехать. С недавнего времени Володя взял за правило таскать ее на все семейные мероприятия, усиленно демонстрируя тем самым, что она тоже член семьи. Он уже заявлял, что они собираются пожениться летом. Но я все-таки надеюсь, что он образумится.

– То есть вы выбрали финансовый механизм воздействия. Что ж, с точки зрения результата вы правы – это один из самых эффективных методов.

– Только не надо думать о нас с женой как о каких-то меркантильных моральных уродах! – раздраженно произнес Воропаев.

– Да бог с вами! Я об этом вообще не думаю. Меня волнует, как все будет выглядеть, если я поселюсь вместе с ними? Ваш сын, насколько я поняла, вообще против телохранителя? И не теряем ли мы с вами время даром, если во время семейного ужина я вдруг услышу его решительные возражения?

– Не беспокойтесь об этом, – обещающе заявил Воропаев. – Володя согласится. А жить... Там две комнаты, вы займете отдельную. Никто не заставит вас делить с моим сыном постель.

– Очень на это надеюсь, – кивнула я. – В списке моих услуг подобного пункта нет.

– Ну, основное мы решили. Оставшиеся детали обгово-

рим позже. – Воропаев еще раз посмотрел на часы и поднялся. – Пора идти в столовую.

Мы спустились на первый этаж, и Воропаев провел меня в просторную квадратную столовую, в центре которой стоял круглый стол, на который две домработницы ставили тарелки с едой. В центре стояла большая фарфоровая супница, накрытая крышкой.

За столом сидела очень миловидная ухоженная блондинка, которую Воропаев представил мне как свою супругу. Звали ее Алена. Отчество она опустила, явно намеренно. Алена казалась моложе своего супруга, хотя вряд ли, конечно, ее можно было назвать юной, учитывая, что старшему ее сыну было около двадцати пяти.

Рядом с ней сидел Вадик, который с унылым видом водил ложкой по пустой тарелке, явно ожидая начала трапезы.

– Володя не звонил? – целуя жену в щеку, спросил Константин Юрьевич.

– Звонил, они уже в пути, – отозвалась Алена, деликатно не упоминая имени его спутницы, выбрав нейтральное «они».

Вадик тем временем, покосившись на отца, схватил с тарелки кусок ветчины и быстро отправил в рот.

– Вадик! – одернул его заметивший этот маневр Воропаев. – Сколько раз тебе говорить, что это неприлично! Дождись начала ужина! Как босяк какой-то, ей-богу!

– Я есть хочу! – оправдываясь, огрызнулся тот, пережевыва-

вая ветчину, и потянулся за следующим куском, но Воропаев смерил его уничижительным взглядом, и он убрал руку.

– Идиотские порядки, – пробурчал он себе под нос и демонстративно уткнулся в смартфон.

В это время во дворе послышался звук открываемых ворот, а затем шум двигателя автомобиля.

– Володя приехал, – встрепелась Алена.

– И года не прошло, – проворчал Вадик, тем не менее отложил свой девайс и поправил руками растрепанные волосы.

– Всем привет! – прозвучал бодрый голос от двери, и в комнату вошел высокий брюнет с ярко-голубыми глазами.

Владимир являл собой очень привлекательный тип мужчины, правда, лично мне он не слишком нравился – излишне миловидный, без налета брутальности. Ну, мой вкус в данном случае не был важен. Его спутница же была явно во вкусе большинства мужчин: симпатичная голубоглазая светлая шатенка, с тонкой талией и пышным бюстом, а также округлыми бедрами. Она была высока, но при этом выгодно отличалась от нынешних стандартов, тяготеющих к стилю унисекс и доходящих до абсурда, когда фигуру девушки с трудом можно отличить от юношеской: слишком высокий рост, узкие бедра, никаких изгибов фигуры и выпуклостей. Марианна же была очень сексапильна. Она буквально брызгала своей сексапильностью, и мне было понятно, почему Владимир готов был терпеть ущемление в имущественных правах.

Будь я мужчиной, наверное, тоже терпела бы.

– Привет, привет! – преувеличенно оживленно и приветливо отозвалась Алена.

Воропаев был куда более сдержан в своих приветствиях, ограничившись кивком головы.

– У нас сегодня гостя, – представил он и меня. – Знакомьтесь – Евгения.

– Владимир, – отозвался старший Воропаев, бросив заинтересованный взгляд, но не на меня, а на отца. Но чиновник пока не стал ничего уточнять.

Спутница же Владимира подошла ко мне и, кивнув, весело произнесла, протягивая руку, украшенную ногтями со стразами:

– Марианна. У вас очень классный кулон. Володя, я тоже хочу такую штучку! – ухватила она за руку своего спутника.

Я невольно пощупала цепочку на шее, на конце которой был кулончик в виде кувшинчика. В кувшинчик был вставлен малюсенький искусственный цветок, прикрепленный изнутри. Подобные украшения недавно вошли в моду и появились в Интернете, и я заказала себе одно из них, только с пожеланием видоизменить дизайн по моему вкусу.

– Дорогая, зачем тебе такая же «штучка», как у Евгении? – шутливо отозвался тот. – В каждой из вас есть собственная индивидуальность! Так что пусть у каждой все будет свое, оригинальное.

Марианна скорчила гримаску и рассмеялась.

– Ладно, так уж и быть, – небрежно ответила она.

– Спасибо, – сказала я ей в ответ. – А у вас интересный маникюр.

– Правда? – воскликнула Марианна. – Это я вчера сделала! Видишь, я тебе говорила, что это клево! – Она легонько толкнула Владимира локтем.

Константин Юрьевич выразительно откашлялся. Его жена чуть натянуто улыбалась, крутя в руке вилку. По лицам четы Воропаевых было видно, что они стесняются своей потенциальной невестки-простушки, такой непосредственной и не вникающей в светские тонкости, согласно которым иметь такие разукрашенные ногти – дурной вкус.

– Ну, садитесь за стол, – пригласила Алена.

Суп был уже разлит по тарелкам – это оказалась густая шурпа. Как я поняла, в семье Воропаева не придерживались православных традиций и не практиковали укрощение плоти. Обилие мясных и рыбных закусок явственно об этом свидетельствовало.

Вкусная, но постненькая пища тети Милы уже успела перевариться в моем желудке, и теперь, глядя на все это гастрономическое изобилие, я ощутила, что с удовольствием подкрепилась бы снова. Поэтому не стала стесняться и вместе со всеми приступила к ужину, который скорее походил на плотный обед.

Воропаев завел непринужденную беседу, расспрашивая старшего сына, как прошла неделя и что нового у него про-

изошло. Он, кстати, в отличие от своей супруги, избегал обращений во множественном числе и обращался исключительно только к Владимиру – ты, у тебя, с тобой. Марианну же, казалось, это нисколько не заботило. Она уплетала ужин, не слишком обременяя себя правилами этикета. Вадик с удовольствием ей подражал, демонстрируя свободное поведение, порой даже слишком. Я поняла, что это был своего рода протест против твердых порядков, заведенных в этом доме.

Владимир рассказывал об успехах на своем поприще, о новых моделях, поступивших в продажу, но потом, спохватившись, добавил с чуть виноватой улыбкой:

– Но боюсь, что это мало кому интересно.

Я поняла, что эта фраза была рассчитана на меня. Уловил это и Константин Юрьевич, который довольно искусно ввернул фразу:

– Кстати, Володя, Женя – известный в городе бодигард. Один из лучших. А среди женщин так самый лучший. Я ее пригласил познакомиться поближе. Помнишь, мы как-то с тобой об этом говорили?

Владимир если и был недоволен обозначением моей ипостаси, никак этого не выразил. Напротив, он посмотрел на меня, как мне показалось, приветливо, а затем сказал:

– Да, помню. Папа, тебе необязательно было держать приглашение Жени к нам в тайне. Я обдумал твоё предложение и пришел к выводу, что ты, возможно, прав. Не в том смысле,

что мне угрожает реальная опасность, а в том, что от присутствия телохранителя вреда точно не будет. А уж тем более, если им оказалась такая привлекательная девушка. Мне будет даже интересно находиться под ее защитой.

И он лукаво улыбнулся. Я же искоса бросила взгляд на Марианну, ожидая, что она проявит недовольство, вызванное типичной женской ревностью, очень ожидаемой в данной ситуации. Однако ничего подобного не произошло. Марианна звонко рассмеялась и проговорила:

– Да уж, Володечка, ты всегда любил спрятаться под женское крылышко. А я тебе говорила, что оно самое надежное. Вот как мое, например. Но я, к сожалению, слабая женщина. Я могу защитить от плохого настроения, проблем на работе, усталости и неважного самочувствия. Тягаться с опасными злодеями мне не по плечу. Тут нужны грубая мужская сила и профессионализм. Так что Женя будет как раз к месту.

Поганка, конечно, уколола меня этой фразой, но я ничуть не обиделась. Да, грубая мужская сила – это как раз про меня. Я-то ее применю легко. Я была даже благодарна Марианне, поскольку после этой фразы обстановка за столом стала куда более раскованной. Легкое напряжение сразу спало, когда все стало на свои места. Особенно доволен был Константин Юрьевич.

– Вот и отлично! – удовлетворенно резюмировал он. – Значит, мы обо всем договорились. У нас остались неоговоренными некоторые детали, но думаю, что мы их обсудим

после ужина.

– Женя, а вы постоянно меня сопровождать собираетесь? – продолжал улыбаться Владимир с едва заметной иронией.

Я поняла, что он не воспринимает меня всерьез, именно поэтому, скорее всего, и согласился так легко на мое присутствие. Пускай рядом будет молодая привлекательная женщина – что тут плохого? От реальной опасности она, конечно, не защитит, но будни скрасит, будет не так скучно на работе. Да и лестно такое сопровождение, в отличие от телохранителя-мужчины. Так что для Владимира мое появление было чистым развлечением. Да на здоровье, пусть себе считает!

– Таково было условие вашего отца, – пожав плечами, спокойно ответила я. – Надеюсь, я не слишком вам помешаю.

– Да что вы! – с самым невинным выражением вмешалась Марианна. – Это мы надеемся, что не помешаем вам. Особенно по ночам. У нас, знаете ли, стены тонкие в квартире.

Мама Алена покраснела в ответ на эту двусмысленность и чуть слышно кашлянула. Константин Юрьевич посмотрел на Марианну так, что на его лице было написано: «Ты, как всегда, в своем репертуаре. Впрочем, что с тебя взять, плебейка?»

Марианну же ничуть не смущало почти не скрываемое к ней отношение будущих свекров. Она вела себя свободно, непринужденно и даже непосредственно. Причем мне, неплохо знакомой с психологией, казалось, что это не игра.

Ну может быть, легкая демонстрация, не более того. Скорее всего, она вообще по характеру не была натурой стеснительной, и в глубине души ее жило твердое убеждение, что она всем нравится, вызывает симпатию, а по-другому просто не может быть. Потому и поведение будущих родственников не казалось ей чем-то серьезным. Она весело болтала ногой и вообще походила своими манерами на не выросшего из младшего школьного возраста ребенка, разве что познала кое-какие стороны взрослой жизни. Очень однобоко.

– Постарайтесь все же соблюдать тишину и приличия, – холодно произнес Воропаев. – Я понимаю, Марианна, что тебе это будет сложно, но речь идет о безопасности Володи.

– Мань, а ты вообще можешь пока оттуда съехать, – подал вдруг голос Вадик.

– Куда? – подняла брови Марианна, принявшая его предложение за чистую монету.

– Да вот хотя бы к нам! А что? Мама с папой уступят тебе свою спальню. Мам, уступишь? – он бросил на мать насмешливый взгляд.

Парень явно задирался, пытаясь внести в атмосферу элемент эпатажа.

– Прекрати, пожалуйста, – сквозь зубы бросил отец.

– Я так и знал, – театрально вздохнул парень. – Ну тогда выбора нет, Мань. Переселяйся ко мне. У меня диван широкий...

И, явно наслаждаясь произведенным эффектом, добавил:

– А я могу и в комнату для прислуги переехать. Чего не сделаешь ради родного человека! Практически родной сестры. Хотя нет, не совсем родной.

– Вадик! – одернул сына Воропаев. – Помолчи, пожалуйста. Твои глупости тут никому не интересны. А если хочешь казаться остряком, прими добрый совет: сначала порепетируй хорошенько. В одиночестве.

Все снова переключились на свои тарелки, но Вадик не собирался успокаиваться.

– Женя, а где ты училась? – неожиданно обратился он ко мне.

Я не стала обращать внимание на фамильярное «ты», решив, что при случае укажу мальчику его место, если он уж слишком разойдется, и коротко ответила:

– В спецшколе.

– Это для дефективных, что ли? – хмыкнул пацан.

– Вадик! – ахнула Алена.

Константин Юрьевич побагровел.

– Выйди вон! – резко проговорил он.

– Чего это? – сделал невинное лицо Вадик. – Еще же чай не пили!

– Я тебе сказал – покинь столовую, – отчеканил Воропаев. – Чай тебе принесут в твою комнату. Нет! Сам сходишь за ним в кухню.

Вадик пару секунд выждал, но все-таки не стал раздувать скандал. Он дурашливо скорчил унылую физиономию, под-

нялся и со вздохом произнес:

– Вот так всегда! В этом доме совершенно не понимают шуток! Удивительно унылая семейка! Мань, ты имей это в виду! Может, передумаешь, пока не поздно? А то взвоешь потом с такими родственничками, да поздно будет!

– Пошел вон! – не выдержав, прошипел Воропаев, с трудом сдерживаясь, чтобы не швырнуть в Вадика вилкой, которую сжимал в руке.

Парень хмыкнул и, сунув руки в карманы, вышел из столовой, бросив на прощание, насколько приятнее пить чай в одиночестве и приглашая Марианну, которую упорно называл Маней, присоединиться к нему. Что примечательно, Владимир реагировал на эти выходки абсолютно спокойно, со снисходительной улыбкой, и, казалось, совершенно не сердился на младшего брата. Алена же, как я поняла, играла в этом доме роль второго плана и не привыкла открыто высказываться, все время оглядываясь на своего начальственного супруга. Она была опытной домохозяйкой, при этом выглядела женщиной интеллигентной, мягкой и даже, как мне показалось, безвольной.

Марианна же, посмеиваясь про себя и ничуть не смущаясь, грызла куриную ножку и вела себя так, словно все эти выпады не имели к ней ни малейшего отношения.

– Извините, пожалуйста, – обратилась ко мне Алена. – Вадик хороший мальчик, просто...

– Просто привыкший быть мальчиком! – резко прервал

ее супруг. – Не станем портить вечер и обращать внимание. И вообще, нам есть о чем поговорить помимо этого.

Он взглянул на часы и произнес:

– Пора подавать чай. Кстати, кто-нибудь желает кофе?

Мы с Владимиром высказались за кофе. В это время домработницы уже озаботились подачей десерта, и вскоре перед нами появилось все необходимое для чаепития и даже сверх того. Супницу в центре стола сменил двухъярусный торт, стилизованный под корзину с цветами. Такие выпекали в легендарной кондитерской Стружкина, известной в Тарасове еще с начала прошлого века. Правда, не так давно ее лишили законного места и переселили в другое, но функционировать она не перестала. Воропаев в этом смысле был, по всей видимости, консерватором, предпочитая проверенную кондитерскую современным компаниям, которые, к слову, производили тоже весьма вкусные образцы. Но торт из «Стружкина» все равно превосходил их. Как сотрудникам удалось сохранить прежние традиции, соблюдать старые технологии и выдавать отличное качество, я не знаю, но это у них получалось.

Однако приступить к тарту нам не удалось. Едва чай и кофе были разлиты, а щедрые куски торта разложены по тарелкам, со двора донесся какой-то шум. На него никто не обратил особого внимания, кроме меня, привыкшей реагировать на подобные вещи профессионально. Пока что повода для особого беспокойства не было, однако я насторожилась.

А следующий звук заставил меня резко толкнуть сидевшего рядом Владимира вниз и крикнуть:

– Всем на пол!

Глава 3

Никто ничего не понял, но со страху все попадали со ступеньев. Я же метнулась к окну и вжалась в стену возле него, осторожно выглянув.

Надо сказать, всполошилась я не зря: за первым выстрелом, заставившим меня действовать таким образом, последовал второй. Причем стреляли прямо во дворе дома. Эхо гулко раскатилось по ущелью.

– Что за черт! – подал с пола голос Воропаев.

Он полулежал, спрятавшись за ножкой стола. Рядом с ним, закрыв руками голову и уши, на животе лежала его жена. Из-за плеча Владимира выглядывала любопытная Марианна. Глаза у нее были круглыми.

– Сидите на месте! – крикнула я. – Никому не высываться! Я разберусь!

Окно было открыто, и это мне не нравилось. Нужно было бы его затворить и вообще выяснить, что происходит во дворе. Неясность осложняла мою задачу. Я осторожно выглянула. Из окна мне был виден лишь краешек двора, на котором никого не было видно. Подъезд к дому также не просматривался. Одновременно с этим я отметила, что погода

испортилась: небо посерело, посмурнело, стал накрапывать дождик. Уже основательно стемнело. Однако мне удалось услышать звяканье у ворот и различить голос, прозвучавший довольно грубо:

– Ты кто такой? Вали отсюда, пока не пристрелил!

– Ты стволом не маши! – отвечал ему другой. – Я к себе домой пришел, понял? Меня ждут тут!

– Кто тебя ждет? – насмешливо протянул охранник. – Вали, говорю, иначе башку прострелю!

– Убери ствол! – потребовал второй голос.

Охранник, видимо, не торопился выполнять это приказание. Я, поняв, что, пока длится этот диалог, окно наверняка не под прицелом, высунулась наружу, держа свой пистолет наготове. Теперь мне была видна дорожка у ворот. Там стоял охранник, ворота он держал чуть приоткрытыми и беседовал через них с человеком, которого не было видно. Зато я успела разглядеть следующую картину: стоявший за воротами резко двинул коленом в пах охраннику и, когда тот от боли и неожиданности согнулся пополам, ловко крутнул его руку и выхватил пистолет.

– Вот так-то лучше, – удовлетворенно проговорил он. – Говорил же: убери ствол по-хорошему.

Охранник и незванный гость поменялись местами. В том смысле, что второй теперь стоял с пистолетом в руке, а первый мычал от боли, согнувшись пополам. И в этом не было ничего хорошего. Я по-прежнему полностью не видела при-

шедшего, он не вошел во двор, мне была видна лишь его рука, сжимавшая ствол, и нога в кроссовке, грязной и потрепанной.

Раздумывать было некогда. Закинув ногу на подоконник, я глянула вниз, мгновенно оценивая ситуацию. Нормально. Сгруппировавшись, я прыгнула вниз. Не слишком чисто получилось, при приземлении я недостаточно спружинила, чтобы опуститься на обе ноги, в темноте не заметив выступающего бугорка на земле, и слегка подалась вперед, припав на правое колено. Но тут же выпрямилась и, петляя между деревьев, двинулась к воротам.

Охранник пытался разогнуться, протягивал руку, чтобы вырвать ствол, а человек, не спешивший возвращать ему оружие, прошел в ворота. Потеснив охранника плечом, он спокойно шел по дорожке к крыльцу дома. Меня, укрывшуюся за массивным ясенем, он не видел.

Когда мужчина поравнялся со мной, я кошкой сделала гибкий прыжок и опустила рукоятку своего ствола ему на голову. Однако он успел среагировать в последний момент и отклониться, вследствие чего удар вышел скользящим.

Я бросилась на него, но мужчина резко отступил назад и произнес хриплым голосом:

– Эй, барышня! Полегче! Нельзя же так пугать людей!

– Ствол отдай! – отчеканила я, готовясь нанести ему удар с левой.

– Да пожалуйста! – он пожал плечами и протянул мне пи-

столет. – Мне он вообще ни к чему.

– На землю бросай! – приказала я.

Мужик усмехнулся и аккуратно положил на увлажнившуюся от капель дождя землю пистолет. Я отбросила его носком ботинка в сторону – так, что он попал вне зоны досягаемости мужика, а сама спросила:

– Тебе что здесь нужно?

Мужик не спешил отвечать. Он оглядел меня внимательно, без всякого страха, усмехнулся и сказал:

– А вот это, барышня, я скажу хозяевам.

– Тебя никто из хозяев не приглашал, – заметила я.

– А я всегда сам прихожу! – дерзко ответил мужик и, вздернув небритый подбородок, с вызовом уставился на меня.

Мужик являл собой типичный образчик опустившегося человека. Практически бомжа. Кроссовки его были стоптанными, поношенная куртка, явно с чужого плеча, была ему велика, к тому же покрыта пятнами. На голове щетинился седой ежик волос. Цвет лица нездоровый, зубы через один, застарелый запах алкоголя... Что ж, вполне понятная картина. Но что все-таки ему тут надо?

Мужик сам ответил на мой вопрос. Сложив ладони рупором, он поднял голову и крикнул в сторону окна:

– Эй, Воропаевы! Встречайте! Дядя Коля пришел!

В окне появилась физиономия Воропаева-старшего. Он поправил на носу очки, всмотрелся...

– О черт! – снова произнес он и исчез от окна.

Спустя несколько секунд он появился на крыльце, торопливо спускаясь во двор. Мы стояли к нему вполоборота. Со стороны ворот к нам уже спешил охранник – грузный дядька с одутловатым лицом, на ходу поправлявший ремень брюк. Двигался он тяжело, вперевалку. Воропаев быстро подошел к нам и остановился, глядя на незнакомца странным взглядом. Я так и не смогла в тот момент понять сложной гаммы чувств, отраженной в нем. Охранник подоспел и, тяжело дыша, встал чуть поодаль.

– Плохо бегаешь, Миша, – бросил ему Воропаев. – А работаешь еще хуже.

Охранник Миша покраснел и проговорил виновато:

– Так кто ж знал, Константин Юрьевич, что он в драку полезет!

Воропаев бросил на него холодный взгляд и отдельно произнес:

– Ты должен знать, Миша! Ты!

Охранник опустил тяжелую голову.

– Спокойно, Женя, это свои, – обратился ко мне Воропаев, и я опустила пистолет. Однако совсем убирать не стала: я уже поняла, что в случае чего местный охранник – плохая подмога.

– Вон твой ствол, – кивнула я ему в сторону кустов, и красный Миша неуклюже полез на четвереньках его доставать.

Бомж все это время стоял молча и улыбался, наслаждаясь

сценой.

– Плохая у тебя охрана, Костя, – насмешливо произнес он.

– Так, ты зачем пришел? – переключил на него внимание

Воропаев.

Бомж набычился.

– А что, прийти уже нельзя? – огрызнулся он. – Не чужой, между прочим.

– Мы с тобой уже это обсуждали, кажется. И не раз, – отчеканил Воропаев. – И я убедительно просил тебя...

– А я никаких обещаний не давал! – прервал его мужик, гордо вздернув голову. – Имею право сюда приходиться!

Воропаев оглянулся на дом, схватил мужика за рукав куртки и зашипел:

– Ты сюда приходишь только по моей любезности! И никаких прав не имеешь!

– Имею! – мотнул тот головой. – И ты это знаешь!

Несколько секунд они сверлили друг друга взглядом в упор. Наконец Воропаев опустил руку, вздохнул и спросил:

– Что тебе надо? Денег?

– Это само собой, – кивнул он. – В дом мне надо. Поговорить. Срочно.

– Коля, давай так, – заговорил миролюбиво Воропаев. – Я тебе сейчас дам денег, и ты уйдешь. Ну что тебе в доме делать?

– Брезгуешь, – усмехнулся Коля.

Воропаев, как мне показалось, смутился. Он еще пару раз

оглянулся на дом, как-то воровато, потом снова посмотрел на мужика и сказал:

– Стой здесь. Деньги я принесу.

– Нет уж! – решительно возразил тот. – С тобой пойду.

Воропаев аж крутанулся на месте от досады.

– Ну что мне с тобой делать, Коля? – воскликнул он. – Охрану натравливать? В полицию сдавать? Ты понимаешь, что за проникновение на чужую территорию тебя посадить могут? И посадят, Коля! Непременно посадят! Ты для мен-тов отличный экземпляр – галочку получить за раскрытое дело! За задержание с поличным!

– А тебе оно надо? Скандал такой? – спокойно реагировал Коля. – Так что не сдашь ты меня. Сам знаешь. И я знаю.

– А ты этим и пользуешься! Сволочь ты, Коля! – с горечью проговорил Воропаев.

Аккомпанементом этим обличающим словам прозвучал прокатившийся по небу разряд грома. За пару секунд до этого я заметила вспышку молнии. Кажется, начиналась весенняя гроза. Первая в этом году. Рановато немного, но в последние годы вообще все наступает раньше.

– Такпустишь, нет? – хмуро осведомился тем временем Коля.

Воропаев обреченно вздохнул и заговорил убедительно:

– Не время сейчас, понимаешь? Не время! Ужин у меня, с гостями. Приходи в другой раз.

– С гостями, – ехидно проговорил мужик. – Меня-то в го-

сти не приглашаешь...

– Господи, ты опять об этом! – с досадой произнес Константин Юрьевич. – А ты хоть раз приходил по-человечески, а? Ты сам как себя ведешь? Вел бы по-другому – глядишь, и приглашали бы!

– Ага, дождешься от вас, – пробурчал Коля.

– Нет, это возмутительно! Скажи, совесть у тебя есть? Мало мы для тебя сделали, а? – принялся стыдить мужика Воропаев. – Ведь за счет нас только и существуешь!

Коля низко поклонился в пояс и со слезой в голосе произнес:

– Спасибо тебе, благодетель ты мой! Жизнь мою спасаешь! Куртку вон подкинул с барского плеча...

– Нет, с тобой невозможно разговаривать, – покачал головой Воропаев и полез в карман, вытащил несколько крупных купюр и стал совать мужику, приговаривая:

– На, на, на! Этого хватит? Хватит тебе? Сколько еще дать, чтобы ты угомонился?

Коля не стал кочевряжиться и давать себя уговаривать. Он быстренько сунул деньги в карман и сказал:

– А поговорить все-таки надо.

Громыкнуло тем временем сильнее, два раза подряд, и уже совсем рядом. Я решила вмешаться:

– Константин Юрьевич, гроза начинается. Лучше бы в дом пойти. И окна закрыть.

– Да, да, – рассеянно отозвался Воропаев. – Сейчас.

Потом он повернулся к Коле и сказал:

– Разговора сегодня все равно не получится. Давай я тебе позвоню, и мы договоримся о встрече. Тогда и поговорим спокойно и не торопясь.

– Куда позвонишь-то? – буркнул Коля.

– Как куда? Я же тебе месяц назад купил сотовый телефон! – возмущенно напомнил Воропаев. – Где он у тебя? Пропил?

Коля отвел глаза.

– Нет, ну кто ты после этого, а? И ты еще говоришь... А! – Воропаев безнадежно махнул рукой.

Раскат грома в этот момент стал совсем оглушительным. Здесь, в ущелье, была хорошая акустика, и все звуки воспринимались особенно остро. Молнии сверкали почти без перерывов. Я поглядывала на дом.

Из окна тем временем высунулась голова Алены, и ее голос встревоженно прокричал:

– Костя! Гроза! Идите в дом! Что там у вас?

Затем она заметила стоявшего рядом с мужем Колю, ойкнула и отошла от окна. Спустя минуту она появилась во дворе в накинутом на плечи плаще. Она шла к нам, но, не дойдя нескольких шагов, остановилась в нерешительности.

– Алена, зачем ты вышла? – раздраженно обратился к ней супруг.

– Прости, Костя, я думала, что смогу помочь, – виновато проговорила она. – Коля, ты к кому пришел?

Мужик не удостоил ее ответа. Честно говоря, я не совсем понимала, почему Воропаев с ним нянчится. Я решила, что это какой-то местный бомж, возможно, хорошо знакомый этой семье. Может быть, оказывал им какие-то услуги, а может быть, дальний родственник, опустившийся и нуждающийся в деньгах и приходящий их стрелять у обеспеченной и благополучной родни. Наверное, поэтому Воропаев и не вышвыривает его вон...

Воропаев сделал шаг навстречу к жене и, взяв ее за локоть, стал убеждать вернуться в дом. Я посмотрела на окно. Оно оставалось открытым, и мне это не нравилось.

– Алена, вернитесь, пожалуйста, и закройте окно в столовой, – решила я вмешаться, поскольку речь уже шла о безопасности. – Пусть прислуга закроет все остальные и отключит электроприборы. Кажется, нас ждет настоящая гроза.

Алена уже повернулась, чтобы идти к дому, как вдруг вспышка молнии сверкнула ярко прямо над нашими головами, на мгновение осветив весь двор. Алена, шедшая к крыльцу, невольно остановилась. Я ждала, что следом раздастся оглушительный раскат грома, и не ошиблась. Он не заставил себя ждать. Прокатившись по всему ущелью грохочущим рыком, он исчез за горой, а следом хлынул дождь. Мы все трое инстинктивно встали под крону дерева, хотя в грозу это было самым опасным местом. Я уже собиралась решительно дернуть спорящих мужчин в дом, как вдруг услышала сквозь капли дождя донесшийся сзади треск, а одновременно с ним

отчаянный вопль охранника Миши:

– А-а-а! Дерево горит!

Я повернула голову на крик. Краснолицый Миша, от страха сменивший цвет лица на белый, тыкал толстым пальцем в бок. Я увидела пламя, охватившее высокий тополь. Не иначе, молния нашла свою цель. Оставалось только радоваться, что она не угодила в то самое дерево, под которым мы на несколько секунд нашли укрытие, но радоваться времени не было.

Вопль охранника стал еще отчаяннее:

– А-а-а! Пожар! Пожар!

Я поняла причину его паники и чуть не выругалась в полный голос: тонкий тополь треснул посередине ствола, и теперь медленно, но неуклонно кренился, норовя упасть прямо на крышу дома. На ту сторону, где было окно, из которого я недавно выпрыгнула, и где вела к крыльцу тропинка, по которой сейчас шла Алена. А еще больший ужас вызвало у меня появившееся в том окне лицо Вадика, который испуганно крикнул:

– Пап, что происходит?

– В дом! – заорала я что было мочи в легких. – Башку убери сейчас же!

Говоря это, я уже неслась в сторону дома – благо было всего несколько метров. За эти секунды я успела схватить в охапку Алену и оттащить ее от крыльца, а также заметить стоявшую возле него металлическую лестницу-стремянку.

Выбора особого не было, и я, сдержнув стремянку с места, вместе с ней рванула навстречу падающему тополю. Даже не знаю, как моему мозгу, работающему в тот момент отдельно от меня, удалось за доли секунды рассчитать и траекторию, и угол, и силу падения, но стремянку я подставила точно в то место, куда и метило падающее дерево, уже охваченное огнем. Стремянка задержала его падение, изменила направление движения и не дала обрушиться на дом. Однако опасность еще сохранялась.

Удерживая стремянку, я, не поворачивая головы, крикнула:

– Тушите быстро, быстро! Миша, где ты там, мать твою!

Сзади послышалось тяжелое топанье – Миша спешил на помощь. Подбежав ко мне, он, однако, в растерянности затоптался на месте, не понимая, что конкретно ему нужно делать. Потом, видимо, осененный догадкой, забежал за дом, откуда вернулся со шлангом и, крутанув металлический кран на краю газона, направил шланг на дерево.

Струя воды ракетой взметнулась в небо. От ее мощного напора шланг повело в сторону, Миша едва устоял на ногах и невольно заорал, пытаясь удержать рвущийся из рук шланг. Тот дергался, крутился, струя воды брызгала во все стороны, окатывая всех. Воропаев с Колей одновременно выматерились, окаченные из шланга. В какой-то момент струя добралась и до меня, ударив мне в лицо и задержавшись на нем несколько секунд, в течение которых я захлебывалась

и не материлась лишь потому, что рот мой был заполнен водой.

Когда Миша все-таки отвернул шланг в сторону, я, отплевываясь, крикнула:

– Кран уверни, идиот!

Радовало меня то, что какое-то количество воды все-таки попало на дерево, и пламя стало меньше, но и это была сомнительная радость: пожар, возникший от молнии, то есть от электрического разряда, нежелательно тушить водой.

Миша, по счастью, меня услышал и стал пробираться к крану. В этот момент дверь дома распахнулась, и на крыльцо выскочил Вадик.

– Папа! – в отчаянии выкрикнул он, бросаясь в сторону отца, но тут же был сбит струей из шланга – Миша, хоть и невольно, сделал полезное дело. Еще мальчишки тут не хватало!

Правда, Миша, переживая, что окатил хозяйского отпрыска, решил исправиться и железным усилием отвернул шланг на расстояние развернутого угла, и он сразу же обрел цель в виде Воропаева и Коли. Недавние оппоненты тут же растянулись на земле, барахтаясь в жидкой грязи.

Миша тем временем достиг крана, увернул его, и шланг наконец стал ему подвластен. Он уже спокойно и уверенно поливал дерево, которое почти догорело.

– Сюда иди! – позвала я его.

Миша положил шланг на землю и приблизился ко мне.

– Давай, берись слева, двигаем его, – сказала я, имея в виду обгоревший ствол.

Миша понял задачу, и мы с ним с помощью стремянки сдвинули с места ствол. Дерево надломилось все-таки, и верхняя почерневшая часть его и рухнула на газон. Этого я и добивалась.

Вокруг все стихало. Все было мокрым. Вода из шланга растекалась по газону. Пахло гарью и озоном. Мокрые и грязные Воропаев и Коля поднялись с земли. Вадик сел на крыльцо, потирая ушибленное колено.

Я, пошатываясь, подошла к нему и сказала:

– Не сиди тут. Давайте все в дом. Гроза еще не закончилась.

Подобрав в углу двора охающую перепуганную Алену, я двинулась к крыльцу. Там уже стояли все остальные. Воропаев сделал жест всем войти, в том числе и охраннику Мише, и пресловутому Коле, ипостась которого так и не стала мне известна.

Окна были закрыты – слава богу, прислуга оказалась понятливой. Марианна с Владимиром уже отключили все электроприборы.

– Извини, папа, я не видел, как он вышел на улицу, – проговорил Владимир, указывая на нахохлившегося Вадика, похожего на растрепанного воробышку.

Воропаев же смерил младшего сына каким-то странным взглядом и, положив руку ему на плечо, тихо сказал:

– Ступай, прими душ.

Потом обратился ко всем:

– Так, с учетом сложившихся исключительных обстоятельств все принимаем душ и переодеваемся. Женя, Марианна и Алена на первом этаже, мужчины – на втором.

Володя в это время перевел взгляд на стоявшего у входа в столовую Колю и нахмурился.

– Привет, – первым проговорил Коля.

– Привет, – сухо отозвался тот. – Это ты сыр-бор устроил?

Коля махнул рукой и в сторону ответил:

– Нет.

Больше он ничего не сказал, а Владимир не спрашивал. Началась суета с чистым бельем и распределением, кто в какой ванной комнате моется. Я со стопкой поданных мне домработницей вещей направилась в ванную комнату.

После того как привела себя в порядок и поднялась наверх, я обнаружила в столовой Воропаева, уже одетого в другой костюм, с влажно блестящими волосами, которые он не успел высушить. Больше в столовой никого не было.

– Женя, давайте-ка пройдем в мой кабинет, – попросил он.

Мы прошли по коридору и оказались в кабинете, который покинули пару часов назад.

– Да уж, вечерок, – проговорил Воропаев, подходя к шкафу.

Он достал оттуда плоскую бутылку коньяка и две рюмки.

Предложил мне, но я отказалась. Тогда Константин Юрьевич наполнил свою рюмку и выпил. Вздохнул и сказал:

– Женя, я должен перед вами извиниться. За то... За то, что так все получилось. Не успели вы приступить к работе – сразу такой кошмар!

– Ну вы-то в этом не виноваты, – успокоила я его. – Кстати, а почему у вас так плохо обстоят дела с охраной? Мало того, что охранник только один да еще и явно не семи пядей во лбу! Нет, я понимаю, что охранник не должен уметь решать задачи с логарифмами, но профессиональными навыками обладать обязан!

– Я сменю Мишу, – отозвался Воропаев.

– Замечательно. Но почему в принципе у вас охрана такая слабая?

– Так я ведь не президент! – развел руками Воропаев. – Зачем мне куча телохранителей? Я служу не в силовом ведомстве, и за все годы службы на меня ни разу не было совершено никаких покушений. Тьфу-тьфу, конечно.

Он суеверно постучал по крышке стола и продолжал:

– На работе охрана есть, сопровождение, домой меня отвозит водитель с хорошими бойцовскими навыками. А здесь охрана больше на случай какой-нибудь шушеры, с этим справляется Миша. Да у него и работы как таковой нет! Редкую шпану он гоняет успешно.

– А поселок охраняется?

– Нет, он же открытый! Да и от кого охранять? Место

удаленное, наверху. Для шпаны непривлекательное. Пешком сюда взбираться удовольствия мало, значит, надо машину иметь.

– Я имею в виду не шпану, а людей серьезных, – пояснила я.

– Ну, если кому-то из местных жильцов и грозит опасность от «серьезных людей», они лично обеспечивают собственную охрану. А делать поселок закрытым... У нас ведь не Рублевка. Территория, кстати, не частная. Только земля под коттеджами. А сам поселок – в собственности города. Мы не можем запретить никому здесь появляться.

– Ясно, – кивнула я.

– И потом, опасность угрожает не мне, а моему сыну, – напомнил Воропаев.

– Я просто продумала, что... – начала было я, но все-таки прикусила губу.

Делиться этими соображениями было пока рано, и я резко сменила тему:

– Кстати, а кто этот потрепанный жизнью мужичок, дядя Коля? Ваш родственник?

– Можно и так сказать, – бросил Воропаев. – Дальний.

Судя по выражению лица Константина Юрьевича, он был не слишком доволен подобным родством и ощущал досаду, что мне довелось присутствовать при диалоге во дворе.

– Ладно, он, в сущности, мужичонка безвредный, – добавил он.

– Ничего себе! Пистолет у охранника отнял!

– Но это охранник сам растяпа, раз с ним любой бомж справиться может! Завтра же спроважу к чертовой матери! А дядя Коля свинья, конечно, но его жаль. Можно иногда и деньжат подкинуть. Не пообедем. Лишь бы убрался поскорее.

– Так он ушел?

– Да, я его выпроводил, как только он переоделся. Ладно, бог с ним, – махнул рукой Воропаев. – Ушел – и слава богу! Время уже позднее, Володя собирается к себе. Они, конечно, поедут на его машине. А вы тогда садитесь в свою и ежайте следом.

– Хорошо, – кивнула я.

– Да, и не обращайтесь внимания на Марианну, если она станет язвить или вредничать. Смело ставьте ее на место.

– Об этом не беспокойтесь, – усмехнулась я. – Хотя она мне совсем не показалась врединой. Вы говорили, что я сама пойму, почему она не пара вашему сыну. Но честно говоря, кроме разницы в социальном положении я ничего такого не заметила. Или в этом все и дело? Вы против мезальянса?

Лицо Воропаева приобрело гримасу как при зубной боли.

– Смотря что понимать под мезальянсом! Если бы только речь шла о социальных различиях, о бедности! Думаете, мне нужна богатая невестка? Уж наверное, у меня хватило бы средств помочь семье сына, если бы он в этом нуждался!

– Что же вам нужно? Хорошо воспитанная девушка?

Но хорошие манеры – дело наживное. Если уж принц Уэльский женился на простолюдинке...

– Не то, не то! – мотал головой Воропаев. – Манеры – это ведь не просто умение вести себя за столом и поддерживать светскую беседу! Я бы готов был закрыть глаза на то, что ее отец обычный пьяница-сантехник, что мать торгует рыбой на рынке, что сама она с грехом пополам окончила девять классов и больше нигде не училась. Эти пробелы действительно можно было бы восполнить. Но! Начнем с того, где девица работает. А работает она, между прочим, в ночном клубе. Надеюсь, не нужно объяснять, что выбор профессии там невелик. И понятное дело, она не полы там моет.

– А что же она делает? Официально? – поинтересовалась я.

– Официально она танцовщица. На деле – трется у шеста, исполняя стриптиз. К тому же одновременно подрабатывает проституцией. Ну а где проституция – там и наркотики. Особенно учитывая, что это ночной клуб. И после этого вы будете удивляться, что я против такого вот «мезальянса»? Да, я против! Категорически против!

– Насчет наркотиков и проституции – у вас есть конкретные доказательства?

– Нет, за руки и за ноги я ее не ловил, – сказал Воропаев. – Хотя проверить мне легче легкого – достаточно подослать к ней человека под видом клиента – и она попалась! С наркотиками, правда, посложнее, но и это не проблема при же-

лании. Но я просто не хочу касаться этой грязи! Мне все это мерзко!

Воропаев сморщился так, словно его сейчас стошнит.

– А ваш сын в курсе, чем занимается его невеста?

– Он, конечно, знает, что она работает в клубе, но упорно твердит, что она там «просто танцует».

– А вы не пытались с ним поговорить? Начистоту?

– Пытался, конечно! Но поймите, когда человек влюблен, он крайне необъективен. Не хочет замечать очевидных вещей, все представляет в ином свете, радужном. Говорил, что был в клубе, видел ее работу – все в пределах допустимого, по его словам. Когда я намекнул на заработок проституцией, чуть ли не набросился на меня. Про наркотики я даже не успел заикнуться. А ведь у нас раньше никогда не возникало с ним конфликтов, всегда было полное взаимопонимание, – с искренним сожалением проговорил Константин Юрьевич. – Понятно, что девица красива, у него гормоны бушуют, а они с разумом, увы, несовместимы, – покачал он головой. – В общем, на фоне этих проблем навалились еще и те, ради которых я вас нанял. Сложная ситуация, нервная. Я бы хотел решить все последовательно: то есть сперва оградить Володю от опасности, потом перейти к решению проблемы с Марианной. Еще раз поговорить с сыном, предложить ему поехать в кругосветный круиз, развеяться. Одному, естественно. Причем в такие места, где развлечений пруд пруди. Чтобы Марианна сама у него выветрилась из головы.

Кстати... – Воропаев выразительно посмотрел на меня. – Если Володя согласится поехать в круиз, я бы настаивал, чтобы вы его сопровождали. Разумеется, гонорар будет другим. И вообще, путешествие вокруг света за мой счет – разве это плохо?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.